

РЕЦЕНЗИИ

**Ж. Ж. ВАРБОТ ИССЛЕДОВАНИЯ ПО РУССКОЙ
И СЛАВЯНСКОЙ ЭТИМОЛОГИИ**

М.; СПб.: НЕСТОР-ИСТОРИЯ, 2012. 645 с.

Книга Ж.Ж. Варбот, одного из наиболее известных российских славистов, представляет собой сборник ее избранных статей (около 130), написанных за полвека научной деятельности. Эти статьи дополнены в книге новым материалом и в разной степени доработаны. Часть статей публикуется впервые. Вместе с двумя предшествующими монографиями Ж.Ж. Варбот [1; 2] и множеством ее словарных статей в многотомном ЭССЯ¹ (начиная с 14-го выпуска²) новая книга образует в славянской этимологии огромный пласт надежно проработанного лексического материала, проанализированного на основе оригинальных, глубоких системообразующих идей автора.

Книгу следует приветствовать уже потому, что в ней собраны многочисленные ценные публикации, разбросанные по многим изданиям. Она хорошо издана, удобна для чтения и снабжена подробными указателями.

В ней рассматриваются многие важные аспекты этимологических исследований в славянских языках, что видно уже по названиям глав первой части (“Некоторые аспекты этимологического анализа”), по преимуществу теоретической: “Словообразовательный анализ и этимологические гнезда”, “Этимология и фонетика”, “Семантический анализ в этимологии”, “Соотношение структурных и семантических характеристик лексем, лексических систем и соответствующих аспектов этимологического анализа”, “Нерегулярные преобразования слов”, “Этимологизация гапаксов”, “Диалектная этимология. Этимологизация заимствований”, “Этимология в словарях”.

Вторая часть (“Конкретная этимологизация”), включает главы “Реконструкция и этимологизация праславянских образований”, “Этимологизация лексики славянских языков”, “Этимологиза-

ция русских слов”. Различие между материалом первой и второй частей относительно. Теоретические соображения насыщены лексическим материалом, а конкретные этимологии явно или неявно сопряжены с той или иной идеей более общего характера.

Этимология основывается на положениях сравнительной грамматики и дополняет их новым материалом. Имеется разрыв между лексикой, вполне укладывающейся в эти положения, и лексикой, обнаруживающей те или иные отклонения, а также темной или не имеющей надежного объяснения. Заметное сокращение такого разрыва в славистике – одна из научных заслуг Ж.Ж. Варбот. Она много сделала для изучения морфологических характеристик славянских глаголов и имен (качество и количество корневой гласной в зависимости от морфологического типа слова, апофония, вариантность суффиксов и др.) и их отношений через выявление и прослеживание этих характеристик на обширном лексическом материале, зачастую не попадавшем ранее в поле зрения компаративистов. Здесь сказалась, между прочим, работа над ЭССЯ, которая отнимала время у собственных исследований, но зато предоставляла доступ к огромному материалу. Исследуя продленную ступень в славянских языках (см. особенно [2]), Ж.Ж. Варбот имела своего рода конкурента в лице ученика Х. Станга – Т. Матиассена, в распоряжении которого не было столь же обширной лексической базы по славянской лексике.

При всей оригинальности трудов Ж.Ж. Варбот представляется правомерным вопрос о том, традиции каких ученых она продолжает. В их числе, разумеется, П.С. Кузнецов, наставник Ж.Ж. Варбот в МГУ. Представляется, что в “шорт-лист” следует включить также А. Мейе и его труды по славянской апофонии и этимологии старославянских слов, Е. Куриловича³ с его исследованиями по балто-славянской и индоевропейской апофонии и вместе с тем В. Махека с его необыкновенной изобретательностью в этимологизации славянской

¹ В ЭССЯ Ж.Ж. Варбот занята практически с самого начала подготовки этого поистине эпохального для славистики издания. Вместе с другими сотрудниками словаря она участвует в огромной работе по расписыванию источников по лексике славянских языков и отбору слов праславянского происхождения. В ее ведении чешский и словацкий материал.

² Автором первых тринадцати выпусков ЭССЯ был создатель словаря О.Н. Трубочев, ставший в выпусках 14–32 (до своей кончины) главным редактором и членом авторского коллектива.

³ В своем выступлении на защите докторской диссертации Варбот в 1981 г. С.Б. Бернштейн упомянул об интересе Куриловича к трудам Варбот, в том числе к ее умению привлечь свежий лексический материал.

лексики, превосходным знанием этой лексики и соответствующих реалий⁴. Можно пожалеть, что в новую книгу Варбот не включена ее обширная и подробная рецензия на чешский этимологический словарь Махека [3]⁵. В теоретических воззрениях Варбот на этимологические исследования заметна ориентация на труды Я. Малькиеля, а также (в вопросах о роли этимологии в структуре человеческого знания и языковой компетенции, о статусе народной этимологии и ее отношениях к научной) на труды В.Н. Топорова, влияние которого сказалось и на отдельных этимологических идеях Варбот. Налицо ее интерес к теоретическим идеям П. Гиро и других исследователей, занимавшихся поисками системности в лексике.

Вместе с коллегами-соавторами в ЭССЯ Ж.Ж. Варбот многие годы проработала в Институте русского языка Академии наук (ныне им. В.В. Виноградова РАН) под руководством такого выдающегося ученого с бесспорными качествами лидера, как О.Н. Трубачев. Он не мог не влиять на своих коллег-сотрудников и в то же время не приветствовал научное и иное “фрондерство”. Для сохранения независимой научной позиции подчиненным Трубачева необходимо было проявлять характер.

Уже в первых публикациях Ж.Ж. Варбот нашли отражение те ее качества этимолога, которые были тогда же отмечены О.Н. Трубачевым: “Ее этимология слова *лезвие* < *лезть*⁶ обращает на себя внимание убедительностью и простотой” [4, с. 49]. Однако исследуемый материал далеко не всегда позволяет обойтись “простыми” решениями. Ж.Ж. Варбот вполне доступны и весьма изощренные этимологические построения, требующие применения сложных аблаутных схем, постулирования нетривиальных семантических переходов, комбинаторных фонетических изменений и т.п. При этом ей свойственна, с одной стороны, способность отвлекаться от кажущихся очевидными связей между словами, преодолеть “популярные” трактовки, а с другой, – реалистичность и трезвость, даже некоторая “приземленность” предлагаемых этимологических мотивировок и полное отсутствие того, что она сама иронически называет (или называла) “гениальными” этимологиями⁷. В то же время, для нее

характерны неприятие ссылок при объяснении славянских слов на “праевропейский” субстрат (В. Махек) и явный или неявный расчет на то, что инструментарий славянской этимологии позволяет объяснить любое славянское слово. Ей едва ли импонирует утверждение “... любой из индоевропейских языков Европы впитал в себя огромную массу доиндоевропейского субстрата” [5, с. 84] и тем более несвойственно стремление применять его в своей исследовательской практике.

Базовое понятие в этимологической практике Варбот – лексическое гнездо. Она постоянно оперирует этим понятием, подразумевая под гнездом совокупность диахронических (словообразовательно-этимологических, генетических) связей между словами. Этимологии Варбот – это, как правило, прояснение фрагмента определенного лексического гнезда и/или демонстрация особенностей этого гнезда (ряда гнезд) на фоне системы языка в целом. Весьма плодотворным оказывается различение этимологических гнезд как “наиболее подходящего единства в лексикологическом исследовании” (формулировка Я. Малькиеля) и иных лексико-семантических гнезд, связанных например, единством реалий (с. 145–146) – тематических групп лексики. Она принимает понятие морфосемантического поля, которое разрабатывал П. Гиро (с. 73).

Показательно рассмотрение ею праславянских презентных основ и выводы об их роли в системе праславянского глагола. В этом контексте возрождается и обосновывается “забытая и не аргументированная” этимология Р.Ф. Брандта для слова *суд*: праслав. *sqdъ ‘суд’ как производное от основы презенса **sede-* корня **sēd-* ‘сидеть’ (с. 45–48)⁸. В исследовании, осуществленном на стыке этимологии и исторической фонетики, она обращается к теме факультативной дифтонгизации *y* в русских говорах и получает фактически новое средство анализа весьма широкого круга недостаточно ясных слов, в частности, слова *оплеуха*, связанного, видимо, с *плюха*, *плюхать* (а не с *плевать*, как в словаре Фасмера). Правда, ситуация осложняется фактором народной этимологии: возникает возможность иной трактовки некоторых слов с предполагаемой вторичной дифтонгизацией (*оплеуха* – *ухо* и др., см. с. 61, 180, 204). Выявление ранее не отмечавшихся законов или тенденций исторической фонетики соседствует в деятельности Варбот с изучением круга sporadических нерегулярных изменений, воздей-

⁴ Допускавшиеся Махеком отступления от общепринятых законов сравнительно-исторической фонетики Ж.Ж. Варбот как раз чужды.

⁵ В рецензируемую книгу не вошли, к сожалению, и другие рецензии Варбот.

⁶ В рецензируемой книге на с. 312–314.

⁷ В числе “гениальных” одно время числился (трудно сказать, как сейчас) и автор этих строк.

⁸ Проф. НГУ К.А. Тимофеев в своем рассказе новосибирским ученым о IX съезде славистов в Киеве (1983) преподнес эту этимологию Ж. Варбот как одно из своих главных впечатлений от съезда.

ствий, испытываемых словом как частью лексического гнезда. В подобных случаях этимолог выступает как собиратель и исследователь “темных”, генетически спорных фактов, что важно и “для укрепления сравнительно-исторического метода” (с. 154). Одной из многих иллюстраций служат примеры переразложения, предполагаемого, в частности, в славянских глаголах типа рус. *дразнить*, которые выводятся из **orz-raziti* (рус. диал. *разразить* ‘поранить, растревожить’ и др.), где эпентетический *d* (**orz-d-raz-*) мог перейти к корню (с. 156–158).

Рассматривая лексические гнезда как центральный объект этимологического исследования, Варбот обращается к теме их взаимовлияния / взаимодействия: следствием подобных процессов является “мотивационная переориентация составляющих поля лексем”, что убедительно прослеживается на примерах рефлексов **vezti* ‘везти’ и **vezti* ‘взять’ и других (с. 149). Подобные явления известны, но специальные, а главное, адекватные их трактовки – редкость.

Среди многочисленных наблюдений и выводов, касающихся семантического анализа в этимологии, представлены нетривиальные соображения о необходимости его увязывания с анализом словообразовательных связей (с. 69, 71). Анализируются бытующие в этимологии представления о звукоподражательных истоках многих глагольных основ: целый ряд этих основ в праславянском и отдельных славянских языках восходит как раз к знаменательным корням или основам (с. 71).

Обосновывается важное ограничение на популярный среди этимологов тезис о том, что звукоподражательные образования маловосприимчивы к действию регулярных фонетических изменений. Ономапоэическая природа того или иного корня отнюдь не исключает того, что в производных от него лексических гнездах господствуют регулярные фонетические закономерности и морфонологические и деривационные отношения. При этом возможно, что в глаголах звукоизобразительная семантика становится доминирующей лишь после того как возникает из исходной семантики действия. Эти обобщающие соображения, как и в других случаях, подтверждаются анализом обширного материала, в том числе глагола **skripati*, **skripěti* ‘скрипеть’. Его обычная характеристика как звукоподражательного отнюдь не очевидна. Наличие в гнезде **skrip-* многочисленных слов, обнаруживающих связь со значениями ‘резать, стричь’, ‘расщелина, желоб и т.п.’ приводит исследовательницу к выводу о том, что **skrip-* родственно и.-е. **(s)ker-* ‘резать’, как и лит. *skriēbti* ‘чертить’ (с. 93, 426). Значение ‘скрипеть’ тогда

вторично. Подвергается сомнению кажущаяся очевидной мотивировка слова *скрипка* от значения ‘скрипеть’. Делается предположение (с. 428), что основа *skrip-* в данном случае обозначала не скрип, а быстрое движение смычка (правда, подобное значение не засвидетельствовано).

Потребность в расширении возможностей этимологии привела исследовательницу к изучению народной этимологии – природы этого явления, его характеристик и воздействий на отдельные слова и целые гнезда слов. Подробно рассматривая типологию эффектов народной этимологии, Варбот дает многочисленные примеры их снятия. Она обращается, в частности, к рус. диал. *брунь / бронь* ‘метелка овса, колос’, которое может быть истолковано как дериват (с переразложением) имени **обрунь* от *обруниться* ‘начать колоситься (об овсе)’, от *об-* и *руно* (с. 176; см. также [ЭССЯ 29: 125–126]). Для варианта *бронь* принимается народно-этимологическое притяжение к *обрунить*.

На счет народной этимологии может быть отнесен начальный согласный в славянском названии гнезда (**gnězdo*), которое объясняется как результат преобразования **nizdo-* под влиянием глагола **gnětiti* ‘зажигать’. Гнездо ласточки или аиста оберегает жилище от пожара и молнии, разорение гнезда влечет пожар (с. 182–183, по данным А.В. Гуры). Снятие народно-этимологических напластований является существенной исследовательской процедурой в ряде других статей книги, например, в статье, посвященной названию *Дунай* (с. 184–188).

Методологически ценные обобщения и выводы содержатся в статьях, посвященных специфике этимологического анализа диалектного материала. Отмечается, в частности, что неизбежная гипотетичность этимологии усугубляется при обращении к этому материалу вследствие возможных неточностей в записи форм и определении значений. Вместе с тем, диалектная специфика обуславливает благоприятные условия для сохранения реликтов древних форм и значений, в том числе среди нередких в диалектной речи гапаксов. Справедливо подчеркивается важность исследования диалектной лексики для реконструкции народной культуры. Русский диалектизм *куна* ‘vulva’ правдоподобно отделяется (вопреки обычному отождествлению) от *куна*, *куница* ‘куница’ в пользу сравнения с лтш. *kāuns* ‘стыд, срам’ и т.п., что существенно для балто-славянского сравнения. Омонимия ‘vulva’ и ‘куница’ “... могла спровоцировать развитие у образа куницы эротической и брачной семантики” (с. 205).

В статье, посвященной этимологизации заимствований, несколько интересных конкрет-

ных этюдов о предполагаемых полонизмах (*выкрутасы, хахаль, тормошитъ, мельтешитъ* и др.) подытоживаются изложением особого принципа этимологических исследований, являющегося переформулировкой принципа “ареальной нормы” Я. Малькиеля. По определению Варбот, славянское слово, имеющее облик исконного, но обнаруживающее сходство со словом другой группы славянских языков, имеющим заимствованное происхождение, скорее всего, тоже является заимствованным (с. 211). Согласно Варбот, рус. *озорной*, включаемое обычно в гнездо **zbr-* / **zor-* ‘смотреть’ или **or-* ‘разрушать’, сопоставимо с с.-хорв. *zbr* ‘сила’ < тур. *zor* ‘сила, принуждение’, что позволяет предположить тюркизм и в русском слове (с. 212)⁹.

Обращение Варбот к теме “этимология и словарь” выглядит многообещающим уже по той причине, что эта тема рассматривается специалистом, отдавшим многие годы работе над ЭССЯ. Весьма интересны ее соображения о словаре Даля. Отмечается, в частности, что этимологически Даль далеко еще не проинтерпретирован до конца – в том числе и из-за иллюзии изученности всех его данных. Словообразовательно-гнездовое строение словаря Даля Варбот толкует как проявление глубокой потребности человека в этимологизировании (об этой потребности как части языковой компетенции писал В.Н. Топоров¹⁰). Опыт Даля актуален и для методики современной этимологической лексикографии. Ж.Ж. Варбот делает вывод о предпочтительности (по крайней мере в случае с научно-популярными словарями) гнездовой структуры, которая способствует востребованности словаря Даля в наши дни (с. 218–219).

Обсуждение проблем представления этимологических гнезд в праславянском словаре исходя из опыта ЭССЯ и SP (и вообще этимологической лексикографии) – еще одна тема книги Ж.Ж. Варбот. Дилемма “полексемная структура словника или его расположение по гнездам” получает здесь разностороннее осмысление. Автор не принимает мнение Малькиеля о научной бесполезности полексемного описания в этимологическом словаре, но указывает и на факт информационных потерь и неудобств при пользовании полексемно организованным словарем (с. 222).

Статьи, помещенные во второй части книги и составляющие около двух третей её объема, вполне гармонируют с материалами первой части. Здесь отчетливо проявляется характерное

для Варбот понимание слова как элемента этимологического гнезда, организуемого морфо(но)логическими и словообразовательными связями. В ряде случаев предлагаются решения, существенные для “истории идей” (по формулировке О.Н. Трубачева, восходящей к известному словарю К.Д. Бака), – как например, при анализе лексемы *nap* ‘паровое поле’ (с. 407–408). Во многих статьях второй (как и первой) частей предлагаются решения, важные для балто-славянского сравнения – например, трактовка чеш. диал. *omat’* (*bez omat’e* ‘безрассудно’) как рефлекса *otmęть = литов. *atmintis* ‘память’ (с. 471). Интересно обращение Варбот к гидронимической проблематике (с. 615–618).

Во второй части и в книге в целом очень много интересных и убедительных этимологий, особенно для русской лексики, – начиная от слов праславянского происхождения (таких большинство) и иных исконнославянских и заканчивая заимствованиями разного возраста, иногда и поздними вроде рус. (*косая*) *бейка* ‘полоска ткани для отделки’ < франц. *biais* ‘косое направление’ (с. 564). Еще один пример “простой и убедительной” (см. выше определение О.Н. Трубачева) этимологии Варбот: *ряженка* (молочный продукт) из *пръженка*, ср. укр. *прътї* ‘томить на небольшом огне (молоко, сметану)’ (с. 573–575).

Экскурсы в индоевропейскую реконструкцию в книге Ж.Ж. Варбот сравнительно редки (это видно и по указателю упоминаемых в книге корней) и как правило не идут дальше осторожного цитирования словаря Покорного¹¹. Надо заметить, что она продолжает традицию славянской этимологии (в России, на Украине, в Белоруссии, отчасти также в других странах Восточной Европы), которой чуждо использование ларингальных. Ими не пользовались в своих трудах и выдающиеся российские этимологи-слависты В.Н. Топоров и О.Н. Трубачев. Формальная сторона реконструкции остается здесь примерно в том же виде, как у Э. Бернекера и Ю. Покорного.

Не сказались на книге Варбот и некоторые другие особенности современной компаративистики, например, закон В. Винтера (ср. [6]). За этим стоит, вероятно, осознанный консерватизм.

Как можно видеть по цитируемой в книге обширной научной литературе, как давней, так и новейшей, Варбот прекрасно в ней осведомлена и творчески использует ее в своей работе. Не забыт

⁹ В ЭССЯ [вып. 31, с. 214–218] это решение отклоняется.

¹⁰ Соответствующее высказывание В.Н. Топорова вынесено в эпиграф рецензируемой книги.

¹¹ В трудах В.Н. Топорова и О.Н. Трубачева операции с индоевропейскими корнями как раз не редкость, обычно речь идет об отождествлении омонимичных корней на основе семантической аргументации.

и популярный ныне когнитивный подход (упоминаются картина мира и фрейм, см. с. 73), который однако едва ли как-то реально сказался на применяемых Варбот этимологических процедурах.

Тем не менее, некоторые лакуны в цитируемой ею этимологической и иной релевантной литературе просматриваются и в ряде случаев заслуживают быть отмеченными.

Кажется, в монографии Ж.Ж. Варбот не нашли отражения научные результаты последних десятилетий, касающиеся древненовгородского диалекта. Они могли бы быть использованы, например, как альтернатива попытке применить к рус. *бренно* и родственным словам теорию двух состояний корня Э. Бенвениста (с. 25; ср. о *бревне* иначе [7, с. 51]). В книге Варбот, основанной на поиске системности в лексике, не упоминается семантическая реконструкция в трудах А.В. Дыбо [8], дающая (на алтайском языковом материале) весьма удачный опыт системного подхода на основе использования “номинативных решеток”, а также сжатое изложение других опытов этого рода (Й. Трир, С. Ульман, Н.И. Толстой и др.).

Для большинства публикуемых этимологических решений обычно предлагаются альтернативы, дополнения и т.п. Это касается, конечно, и книги Ж.Ж. Варбот. Здесь приходится ограничиться несколькими примерами.

Толкованию рус. диал. *прозю́ка* ‘проныра, пройдоха’ как деривата с префиксом *про-* от корня *-u-ti* (ср. *раз-у-ть*) с исходным значением ‘про-детое’ (с. 607) рецензент предпочел бы сравнение *прозю́ка* (< **прозю́ха*) с рус. диал. *зух* = укр. *зух* ‘хват, молодец’ < польск. *zuch* ‘то же’ от *zuchwały* ‘дерзкий’. Сюда же блр. *празю́ка*, *празю́х* [9, с. 248].

Интересные соображения о рус. диал. *безру́кой* ‘очень сильный (о ветре)’ (с. 459), как представляется, не учитывают параллелей слова в других русских диалектах, а также в литов. *beraĩkis*, лтш. *bezrūocis* ‘безрукий’, также о ветре, ср. и нем. *Handlos* [9, с. 31].

При всей оригинальности упомянутого толкования *скрипки* предпочтительнее все-таки исходить из мотивировки ‘скрипка’ < ‘скрипеть’, как это обычно и делается в этимологической литературе, в том числе в словарях (М. Фасмер, В. Борысь и др.).

Наличие неизбежных дискуссионных моментов ни в коей мере не влияет на общую оценку книги. Масштабность охваченных в ней проблем и глубина их проработки, а также объем и качество анализа конкретного материала удивительны. Книга Ж.Ж. Варбот – большой вклад в славян-

ское языкознание, один из достойных итогов напряженной полувековой работы ученого. Хочется надеяться, что эта деятельность продолжится и далее, и будет не менее плодотворной.

К теме надежд: лет десять назад случайно довелось услышать в транспорте, далеко от Москвы, знакомый голос – Ж.Ж. Варбот по Радио России говорила о происхождении слов, и этот живой и интересный рассказ вселял (по крайней мере автору этих строк) некий оптимизм. Заряд такого оптимизма дает и рецензируемая книга.

А.Е. Аникин

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Варбот Ж.Ж.* Древнерусское именное словообразование. М.: Наука, 1969
2. *Варбот Ж.Ж.* Праславянская морфонология, словообразование, этимология. М.: Наука, 1984.
3. *Варбот Ж.Ж.* [рец.] Machek V. Etymologický slovník jazyka českého. Druhé, opravené a doplněné vydání. Praha, 1968 // Этимология 1970. М.: Наука. С. 374–381.
4. *Трубачев О.Н.* Этимологические исследования // *Трубачев О.Н.* Труды по этимологии. Слово. История. Культура. Т. 1. М.: Языки славянской культуры, 2004. С. 3653.
5. *Хелимский Е.А.* Трансевразийские аспекты русской этимологии // Русский язык в научном освещении, 2002. 2/4. С. 75–90.
6. *Dybo V.A.* Balto-Slavic Accentology and Winter's Law // *Studia linguarum. De omnibus linguae rebus scibilibus et quibusdam aliis.* 3/2. М., 2002. С. 295–515.
7. *Зализняк А.А.* Древненовгородский диалект. Второе издание, переработанное с учетом материала находок 1995–2003. М.: Языки славянской культуры, 2004.
8. *Дыбо А.В.* Семантическая реконструкция в алтайской этимологии. Соматические термины (плечевой пояс). М.: Языки русской культуры, 1996.
9. *Аникин А.Е.* Опыт словаря лексических балтизм в русском языке. Новосибирск: Наука, 2005.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ ИСТОЧНИКОВ

- ЭССЯ – Этимологический словарь славянских языков. Вып. 1–31 / Под ред. О.Н. Трубачева. М.: Наука, 1974–2004; вып. 32 / Под ред. О.Н. Трубачева и А.Ф. Журавлева. М.: 2005; вып. 33–38 / Под ред. А.Ф. Журавлева. М.: Наука, 2006–2012.
- SP – Słownik prasłowiański. Т. 1–8 / Pod red. F. Sławskiego. Wrocław, Warszawa, Kraków: wyd. PAN, 1974–2001.